

УДК 342.5

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЙ И ОСНОВНЫЕ МОТИВЫ СБЛИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Узденов Ш. Ш.¹, Ермаков Д. Н.², Забабурин А. В.³

¹Институт права и национальной безопасности

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 4, Российская Федерация

²Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

³Московский институт современного академического образования

109263, г. Москва, 11-я ул. Текстильщиков, д. 7, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Интерпретация российско-китайских отношений с точек зрения кризиса однополярного мира и результата провала старой концепции внешней политики России, которую условно можно назвать «атлантизмом».

Процедура и методы. В работе большое внимание уделено хронологии развития отношений между Россией и КНР. Не востоковедам показан процесс поворота России к укреплению отношений с Китаем.

Результаты. Четко сформулированы тенденции развития современных российско-китайских отношений в рамках хронологии изменений этих отношений в контексте анализа кризиса однополярного мира. Авторы делят прошлую внешнюю политику России на «атлантизм» и «евразийство», рассматривая российско-китайские отношения в контексте последнего, демонстрируя при этом, что Центральная Азия и Казахстан ныне входят в систему совместных интересов России и Китая, поэтому геополитические горизонты России смещаются к Тихому океану, т. е. далеко за пределы бывшего СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Статья призвана внести вклад в изучение недавней истории российско-китайских отношений с точки зрения методологии.

Ключевые слова: глобализация, «евразийство», внешняя политика России, международные санкции, экономика Китая, экспорт нефти, Дальний Восток, современная геэкономика

LEGAL ASPECTS OF THE EVOLUTION OF RELATIONS AND THE MAIN MOTIVES FOR RAPPROCHEMENT BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Sh. Uzdenov¹, D. Ermakov², A. Zababurin³

Institute of Law and National Security

Prosp. Vernadskogo 82-4, Moscow 119571, Russian Federation

²*Federal State University of Education*

ul. Radio 10A, Moscow 105005, Russian Federation

³*Moscow Institute of Modern Academic Education*

11-ya ul. Tekstilshchikov 7. Moscow 109263, Russian Federation

Abstract

Aim. The authors interpret Russian-Chinese relations in terms of the crisis of the unipolar world and the result of the failure of the old concept of Russia's foreign policy, which can be conventionally called "Atlanticism".

Methodology. The article is intended to contribute to the study of the recent history of Russian-Chinese relations, from the point of view of methodology; in this regard, the authors pay much attention to the chronology of the development of relations between Russia and the PRC. At the same time, the authors have the task of showing to non-East historians the process of Russia's turn towards strengthening relations with China.

Results. The authors help the teacher to form ideas about the trends in the development of modern Russian-Chinese relations within the framework of tracing the chronology of changes in these relations in the context of analysing the crisis of the unipolar world.

Research implications. The authors divide Russia's past foreign policy into "Atlanticism" and "Eurasianism", examining Russian-Chinese relations in the context of the latter, demonstrating that Central Asia and Kazakhstan are now part of the system of joint interests of Russia and China, so Russia's geopolitical horizons are shifting towards the Pacific Ocean, i.e., far beyond the former USSR.

Keywords: globalisation, 'Eurasianism', Russian foreign policy, international sanctions, Chinese economy, oil exports, Far East, modern geoeconomics

Введение

Неутешительные итоги экономических и политических реформ на рубеже XX–XXI вв. вынудили Российскую Федерацию изменить парадигму внешней политики с западного на восточное направление. Политический истеблишмент России, не добившись признания равенства сторон в общении со странами Запада, переориентировался на Китайскую народную республику [2, с. 5]. На сегодняшний день речь ведётся о притягивании России и других постсоветских государств (в первую очередь, Республик Средней Азии и Казахстана) в орбиту китайской экономики [4, р. 9–27; 11, р. 140].

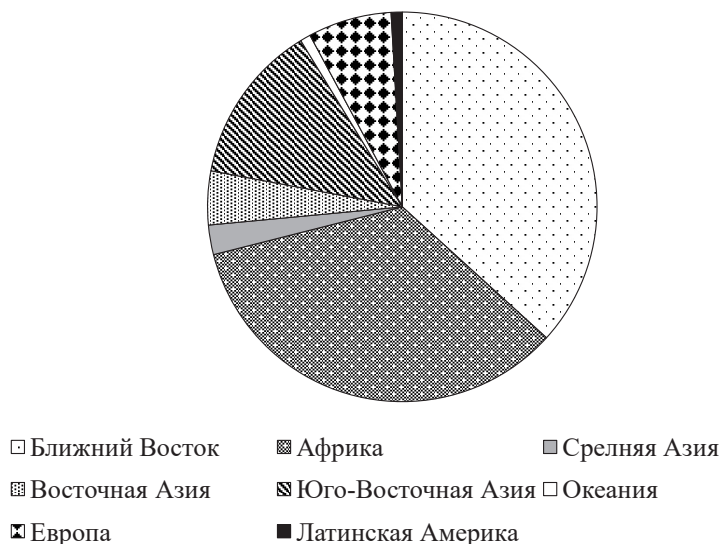
Цель настоящей статьи – исследовать основные направления поворота внешней экономической политики России на Восток, усиления её восточного вектора и перспективы усиления китайского влияния на Россию через разнообразные экономические инициативы КНР (например, «один пояс – один путь»). Проект «Пояс и путь» (ПиП) охватил в первую очередь страны Юго-Восточной Азии, где уже давно в этой связи задумались о замене (частично) доллара США юанем, когда высшее руководство КНР задумалось о либерализации всего финансового рынка Китая [1, с. 25].

Социально-политические предпосылки сближения Российской Федерации и Китайской народной республики в рамках инициативы «Один пояс – один путь»

Более тесное сближение России с Китаем произошло после начала Специальной военной операции России на Украине [18, р. 3]. На Западе многие исследователи считают развитие российско-китайских отношений как процесс создания анти-американского союза, в который активно «втягивают» страны «глобального Юга» под эгидой БРИКС. Американский профессор Р. Суттер рассматривает политику КНР в качестве потенциальной угрозы для США [6; 7, pp. 16–18].

В течение буквально последних 5–6 лет произошло переключение инвестиционно-строительной активности компаний из КНР с Юго-Восточной Азии на Ближний Восток, это объяснимо резким ростом спроса на нефть на китайском рынке. Страны Ближнего Востока по-прежнему являются основными получателями китайских инвестиций в строительство: в 2023 г. на них пришлось 36,7% от общего объёма инвестиций в рамках ПиП в строительство, что на 31% больше, чем в 2022 г.¹. В целом стратегия развития в рамках ПиП у Китая сводится в основном к продвижению на юго-запад (рис. 1). Вызывает со-

¹ GFDC (2023). Countries of the Belt and Road Initiative (BRI), <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-roadinitiative-br> (дата обращения: 30.02.2024).

Рис. 1 / Fig. 1. Региональная структура затрат КНР в рамках ПиП, 2023 г., % / Regional cost structure of the PRC under PiP, 2023, %

Источник: составлено по: MOFCOM, 2023, 2023 年 1-10 月我对“一带一路”共建国家投资合作情况 (China's investment and cooperation with countries co-constructing the “Belt and Road” from January to October 2023)

мнение, что северо-восточная часть Азии, включая Казахстан, представляет на данное время повышенный интерес официального Пекина. Особо крупные инвестиции за 2023 г. в капитальное строительство китайские фирмы сделали в Саудовской Аравии – 5,6 млрд долларов США против 2,6 млрд долларов в 2022 г. Правда, в 2023 г. наблюдался резкий рост китайских капиталовложений в строительство в Узбекистане, но в конкретном финансовом выражении он не был таким же, как на Ближнем Востоке.

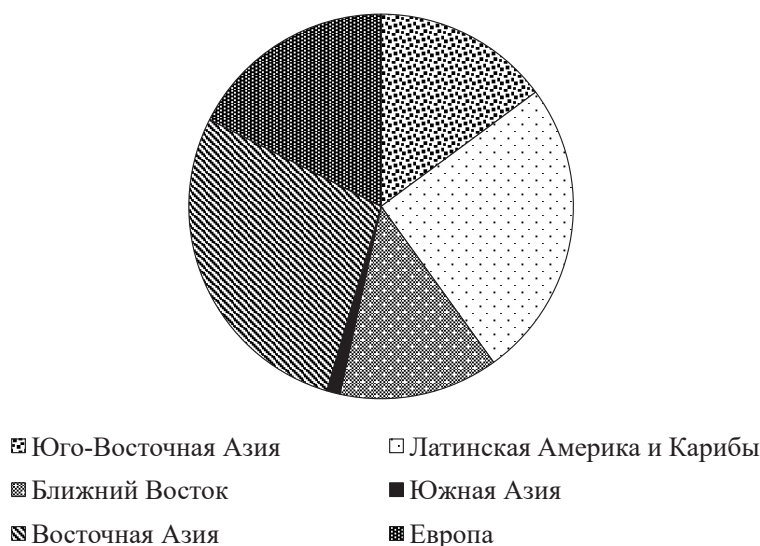
Разумеется, затраты на капитальное строительство не отражают всего масштаба активности КНР в формате проекта ПиП, в большей степени это делает показатель инвестиции (рис. 2). Правда, мало точной или в вообще информации за 2022–2024 гг. по ряду стран, как, например, по Туркменистану, Таджикистану и Кыргызстану.

В 2013 г. Си Цзинпинь предложил проект «Пояс и путь», который был нацелен на создание за пределами КНР благоприятных условий для торговли и инвестирования [9, с. 29]. В рамках этого проекта

планируется экономическая кооперация практически со всеми странами мира, но в первую очередь это касается поиска и создания китайской стороной совместно с другими государствами точек экономического роста. Однако подразумевалось, что в первую очередь китайская сторона будет развивать транспортную инфраструктуру, это видно по новейшим основным проектам, запущенным в рамках ПиП в конце 2024 г.¹ Расширение использования Юаня (RMB) стало неизбежным следствием развития торговли в рамках проекта «Пояс и путь». Правда, рядом экспертов проект ПиП рассматривается также как важная часть внешней политики Китая, направленная на повышение уровня безопасности для КНР в мире [12, р. 85]

Разумеется, в рамках ПиП решаются разные вопросы, включая проблемы в сфере образования. В частности, распространение в странах, охваченных ПиП, получила программа «Мастерская Лу Баня», нацеленная на подготовку и переподготовку среднего технического персонала.

¹ Портал «Пояс и Путь»: [сайт]. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn> (дата обращения: 30.12.2024).

Рис. 2 / Fig. 2. Инвестиции КНР в страны «третьего мира» в рамках ПиП, 2023 г., % / China's investments in third world countries in the PiP framework, 2023, %

Источник: составлено по: GFDC (2023). Countries of the Belt and Road Initiative (BRI), <https://greenfdc.org/countries-of-the-belt-and-roadinitiative-br> (date of access: 30.12.2024).

Важной особенностью проекта «Пояс и путь» является то, что в его рамках официальный Пекин предпочитает двусторонние соглашения многосторонним, это снижает юридические риски для КНР [14, pp. 63–80].

Усиление роли RMB в международных расчётах призвано также исправить финансовое положение внутри КНР, повышение популярности и конвертируемости валюты которой должно способствовать увеличению объема иностранных инвестиций в китайскую экономику [23, pp. 82–84].

Смысл интернационализации Юаня сводится в первую очередь к сокращению рисков изменения обменных курсов. Это привело в начале 2020-х гг. к распространению при участии Народного банка Китая (НБК) договоренностей типа *swap* с финансовыми институтами других стран. На конец 2021 г. НБК имел *swap*-соглашения с 40 крупными зарубежными финансовыми институциональными структурами, работавшими в 56 странах и регионах, но данные соглашения охватили фактически рынки 100 государств, а их сумма достигла 4,02 трлн RMB, в переводе на доллары это эквивалентно сумме соглашений ФРС

с другими государствами и их финансовыми организациями [24, pp. 43–56]. В этой связи НБК к 2022 г. стал главным конкурентом ФРС в сфере *swap* на мировом финансовом рынке.

«Пояс и путь» (ПиП) имеет к *swap*-соглашениям прямое отношение, но не только этот проект привёл к расширению участия НБК в данной сфере мировых финансов. В 2021 г. объём принятых в Юанях счетов и осуществлённых в этой валюте платежей в формате сотрудничества со странами, участвующими в проекте «Пояс и путь», достиг 5,42 трлн RMB, что составило 14,8% от суммы осуществлённых в юанях за рубежом платежей и принятых там счетов. В июне 2022 г. в формате двусторонних *swap*-соглашений, которые связаны непосредственно с проектом «Пояс и путь», общий объём платежей превысил 4 трлн RMB [22, pp. 44–46]. Таким образом, валютные отношения в формате проекта «Пояс и путь» достаточно жёстко регулируются НБК совместно с иностранными финансовыми институтами [17, pp. 1–6].

Руководство НБК прекрасно понимает, что интернационализация юаня означает

окончательное превращение его в мировую валюту по всем параметрам, что уже произошло к 2021 г. Главный параметр здесь – выполнение валютой функций сбережений частных лиц и резервов центральных банков. Как резервная валюта RMB занимает пятое место в мире (2,69% от суммы всех резервов 80 центральных банков), как и валюта международных расчетов, тоже пятое место на мировом рынке. При этом МВФ в мае 2023 г. принял решение увеличить долю юаней в своих резервах СДР с 10,9% до 12,3% [13, pp. 17–18]. ПиП имеет, разумеется, не столь большое влияние на эти решения МВФ и центральных банков, но все-таки оно есть.

Тем не менее юань не столь популярен в мире как валюта сбережений частных лиц, включая негосударственные финансовые организации. В конце 2021 г. баланс RMB-депозитов на зарубежных рынках составил 1,54 трлн юаней, но из этой суммы на Гонконг (особая территория в составе КНР) пришлось примерно 930 млрд RMB, на Тайвань – 230 млрд RMB, на Лондон – 80 млрд RMB [21, pp. 60–62]. В этой связи следует сказать, что юань не столь популярен среди частных финансистов за пределами КНР, и эта валюта все-таки больше привязана к обслуживанию торгового оборота, нежели финансовых рынков. К весне 2023 г. китайские международные финансовые активы и обязательства составили только 4% от мировых внешних финансовых активов [15] (активы, которыми владеют резиденты за рубежом). Во многом это стало результатом политики официального Пекина, направленной на ограничение движения финансов, связанного с финансированием капитала [10, pp. 57-80]. Даже в 2023 г. правительство КНР продолжало ограничивать вывоз капитала из страны [25, p. 23]. В этой связи инвестиции в страны, охваченные проектом ПиП, является для КНР прорывным направлением, особенно это касается Казахстана и Средней Азии.

ПиП создаёт также и проблемы для Юаня, как и преимущества [26, pp. 48–56.] Одна из проблем – это ситуация, когда го-

сударства, имеющие серьёзные институциональные барьеры для внешней торговли, удерживают у себя иностранную валюту (происходит замедление её оборота).

Препятствия для интернационализации Юаня нередко создавалось и создается самим НБК, о чем мы сказали выше. В частности, до заключённого в сентябре 2021 г. двустороннего валютного соглашения между КНР и Индонезией иностранным предприятиям запрещено было использовать RMB для расчётов с третьей стороной, однако в рамках данного соглашения было сделано исключение для индонезийской стороны [3, с. 75–90].

Сам процесс интернационализации Юаня именно по статье «капитальные операции» платёжного баланса был изначально связан не с ПиП, но с глобальным финансовым кризисом 2007–2009 гг., когда в последний год этого кризиса НБК принял решение о снижении барьеров на движение китайской валюты за пределы КНР¹. В 2017 г. китайские облигации были включены в глобальные финансовые индексы, что стало вехой в интернационализации всей финансовой системы Китая.

Другой эффект, повлиявший на интернационализацию Юаня, стало снижение доверия к доллару США, особенно из-за упомянутого выше глобального финансового кризиса, когда американская валюта перестала играть роль самых стабильных денег, в которых безопасно хранить сбережения. Здесь важную роль сыграл не сам глобальный финансовый кризис, но значительное снижение фискальной дисциплины в самих США. В этой связи юань стал рассматриваться многими странами в качестве альтернативы доллару, но альтернативы далеко не единственной.

В 2021 г. примерно 62 экономики в мире осуществляли 20% своих внешних расчётов в RMB. Некоторые страны довели этот показатель до 70%. Распространение юаня за пределами КНР шло по принципу: от

¹ Zhou X. Reform the International Monetary System, People's Bank of China, March 23, 2009. <https://www.bis.org/review/r090402c.pdf> (дата обращения: 23.12.2024).

приграничной торговли к наиболее привязанным к китайской экономике малым странам, а затем уже к странам, оказавшимся под санкциями.

В «орбите» юаня ещё до возникновения ПиП первоначально оказались Монголия и Лаос. Но, судя по статистике расчётов через систему SWIFT, наибольший интерес к RMB проявляли к 2021–2022 гг. Иран, Пакиста и прочие страны, у которых не сложились хорошие отношения с США [16, р. 8].

Неверно полагать, что двусторонние *swap*-соглашения касаются только стран, охваченных проектом ПиП, а также третьего мира. Канада, Европейский центральный банк, Великобритания и Швейцария также подписали такие соглашения с НКБ. Россия по объёму RMB, заложенному в таких двусторонних отношениях, находится на одном уровне со Швейцарией и немного уступает Малайзии и Японии. Лидерами в этом смысле выступают ЕС-27, Южная Корея и Гонконг, последний по-прежнему имеет широкую экономическую автономию. Надо сказать, что *swap*-соглашения страны, наиболее охваченные ПиП, не занимают большого места [16, р. 10].

Как дополнение к двусторонним *swap*-соглашениям, Китай применяет такой инструмент как офшорные RMB клиринговые банки, которые действуют сегодня в 25 странах, первый из них был открыт в 2003 г. в Гонконге. Необходимость в расширении сети таких банков в мире китайские власти осознали в период глобального финансового кризиса в 2007–2009 гг., в результате чего НБК выдал лицензии на создание клиринговых банков данного типа даже иностранным крупным банкам: американский JP Morgan и японский MUFG [8, Р. 3–16].

Несмотря на либерализацию финансов КНР, юань остаётся валютой преимущественно для расчётов между китайскими фирмами и нерезидентами, эти расчёты касаются в основном международной торговли. Во многом это связано с политикой КНР в сфере внешней кредитной деятельности и инвестиций за пределами Китая в

недавнем прошлом. Ярким примером этому служит Средняя Азия.

Сама программа ПиП не мыслима без кредитования новых рыночных экономик и третьего мира со стороны Китая, банковская система которого по-прежнему достаточно строго регулируется государством. ПиП в значительной степени стала возможной, благодаря политики правительства КНР, направленной на увеличение золотовалютных резервов, которые достигли 3 трлн долларов США в 2017 г. [12, рр. 45–60]. Часть этих огромных финансовых средств Правительство Китая решило направить на кредитование других стран в формате проекта ПиП, включая поддержку государств Средней Азии, которые оказались непривлекательными для западных банков в качестве заемщиков. Главным кредитором Средней Азии был в 1990-е – 2000-е гг. МВФ, но его кредиты выполняли, скорее всего, политические, нежели экономические функции (продвижение западной модели демократии и институтов рыночной экономики) [20, р. 80–86].

Ослабление позиций России в Центральной Азии и особенности китайского проникновения в государства региона

К середине 2010-х гг. многие структурные проблемы в Средней Азии так и не были решены, уровень жизни был и остаётся ниже, чем в советский период. С другой стороны, растущая китайская экономика нуждается в новых природных ресурсах (одна из причин возникновения ПиП) [10, рр. 48–56].

Первым крупным заемщиком у КНР стал Таджикистан: более 50% суверенного долга этого государства пришлось в конце 2015 г. на китайских кредиторов, в 2021 г. ситуация изменилась незначительно: из 3,1 млрд долларов суверенного долга государственного долга Таджикистана Китаю составил 1,12 млрд долларов. За период с 2007 по 2021 г. Китай инвестировал в таджикскую экономику около 3 млрд долларов [15, р. 390].

Официальный Душанбе берёт деньги в долг у КНР под залог своих полезных ископаемых, которые с каждым годом всё в большей степени разрабатывают китайские фирмы, к 2020 г. многие месторождения золота и серебра уже так были переданы КНР. 80% золота Таджикистана к 2021 г. добывалось китайско-таджикскими СП [15, р. 390]. Россия слабо представлена на рынке государственного долга Таджикистана, она не входит в состав 7 основных кредиторов этой республики. В 2020 г. на Китай пришлось 73,7% прямых иностранных инвестиций в экономику Таджикистана. Рост инвестиций в экономику этой страны из Китая напрямую связан с проблемой задолженности и неспособности решить её финансовыми средствами официального Душанбе. Но вопрос можно поставить и шире: имеет место неспособность правящего в Таджикистане режима решить в первую очередь инфраструктурные проблемы своей страны. В начале 2022 г. правительство Таджикистана заключило с китайской стороной 18 кредитных соглашений, из которых на проекты в сфере транспорта пришлось 7, на энергетику – 9 [18, р. 21]. Чтобы построить Рогунскую ГЭС, правительство Таджикистана выпустило в своё время евробондов на сумму 500 млн долларов, но этот метод кредитования экономики республики оказался менее привлекательным, чем работа с главным кредитором из КНР Китайский экспортно-импортный банк (China's Export-Importbank, сокращённо – Eximbank). Отрицательный торговый платёжный баланс у Таджикистана с Китаем (1,461 млрд долларов США) ведёт к тому, что финансово в обозримом будущем официальный Душанбе будет сильно зависим от КНР.

Следующей республикой Средней Азии с достаточно сложной хронической экономической ситуацией является Кыргызстан. В 2016 г. суверенный долг этого государства перешагнул 3,74 млрд долларов США, из которых КНР официальный Бишкек был должен около 1,5 млрд. Зависимость Кыргызстана от китайских финансистов

оказалась к 2023 г. на том же примерно уровне, что и у Таджикистана.

Доля Китая в импорте Кыргызстана превышает 58% против 14,31% у России (при этом официальный Бишкек имеет очень сильный отрицательный торговый баланс перед КНР). Самая крупная кредитная задолженность у Кыргызстана перед Китаем – почти 1,7 млрд долларов США на конец 2021 г. Россия в структуре суверенного долга этой республики отсутствует, это связано с тем, что РФ, в отличие от КНР, списала долги официального Бишкека. В 2021 г. 31% всех прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан пришлось на Китай, компании которого привлекают в этой стране полезные ископаемые. Тем не менее финансирование крупных инфраструктурных проектов встречает много сложностей из-за высоких хозяйственных рисков, на которые китайская сторона не желает идти. Но в 2019 г. в Бишкеке в ходе китайско-кыргызского бизнес-форума были подписаны соглашения, связанные в основном с инфраструктурными проектами, на сумму около 7 млрд долларов [5, с. 37].

Крупные инфраструктурные проекты стали реализовываться совместно КНР и Кыргызстаном в 2008 г., когда была реконструирована (восстановлена) автострада Ош-Сары-Таш-Иркештам, стоимость этого проекта составила 25,3 млн долларов США, финансирование шло через Китайский банк развития, инициатива исходила от Коммунистической партии Китая [19, pp. 21–50].

В 2009 г. была восстановлена автострада Ош-Сары-Иркештам, стоимость данного проекта составила 75,3 млн долларов, финансирование шло через хорошо известный в мире EXIM Bank. В дальнейшем было реализовано более 10 таких проектов, общая стоимость которых превысила 1 млрд долларов.

Заключение

Российско-китайские отношения во многом отражают колебания российской политической элиты: исторически и мен-

тально тяготея к западной цивилизации, оказавшись в сложной ситуации по российско-украинскому конфликту, Россия вынуждена искать поддержки у Китая у других государств «третьего мира». Насколько долговечным окажется российско-китайский союз? Введённые против России санкции критично воздействуют на экономику страны, приводят к деградации целых отраслей. Поставляемое из Китая оборудование и товары вызывают серьёзные нарекания у потребителей, и конечно, не смогут заменить высокотехнологичные товары, изготовленные в странах – членов НАТО.

Президент Российской Федерации В. В. Путин, характеризуя тенденции развития взаимоотношений между Россией и КНР, отметил: «Принципиальное зна-

чение имеет то, что отношения России и Китая не являются конъюнктурными и не направлены против кого бы то ни было. Наше сотрудничество в мировых делах сегодня выступает одним из главных стабилизирующих факторов на международной арене»¹.

Серьёзные противоречия между Китаем и США выступают объективными условиями для поступательного развития российско-китайских отношений. Ситуацию осложняет экономическое неравенство России и Китая. Россия имеет экономику в 10 раз уступающую по своей ёмкости китайской. Российским фирмам сложно конкурировать и договариваться с китайскими компаниями.

Статья поступила в редакцию 28.12.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бажанов Е. П. Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М.: Известия, 2007. 350 с.
2. Воскресенский А. Д. Что такое для нас Китай? // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 5–18.
3. Интернационализация юаня в рамках инициативы «Пояс и Путь» / К. В. Бабаев, Е. Е. Сергиенко, Ван Цзинвэй, Ли Фэн, С. Л. Сазонов // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2024. № 1. С. 75–90. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-75-90
4. Ларин В. Л. «Китайская экспансия» в восточных районах России в начале XXI в. через призму компаративистского анализа // Сравнительная политика. 2020. № 2. С. 9–27.
5. Borodyna O., Calabrese L., Nadin R. Risks along the Belt and Road: Chinese investment and infrastructure development in Kyrgyzstan. Report. London: ODI, 2022. 37 p.
6. Carlson B. G. Room for Maneuver: China and Russia Strengthen Their Relations // Prior T. Strategic Trends 2018: Key Developments in Global Affairs. Zurich, 2020. P. 29–45.
7. Ellings R. J., Sutter R. Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation. USA, DC Columbia: The National Bureau of Asian Research, 2019. 203 p.
8. Falkowski K. Russia-EU28 and Russia-China trade interdependence vs the competitiveness of the Russian economy // Institute of Economic Research. Working Papers. 2019. № 25. P. 3–16.
9. Gabuev A. Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016. 300 p.
10. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions / ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia // Economic Issues. 2024. № 1. P. 48–56.
11. China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus / H. S. Kohli at al., eds. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne: Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.
12. Dialogues on China / N. Stekić, A. Mitić, eds. Belgrade, 2023. 432 p.
13. Hu Xiaolian. Promote RMB internationalization in a prudent and solid manner // China Finance. 2023. № 23. P. 17–18.
14. Gentle P. An Introduction to a Way of Increasing Chinese International Influence: The Implementation of the Belt and Road Initiative (BRI) // Financial Markets, Institutions and Risks. 2024. № 8. P. 63–80.
15. Koncak I., Almazbeko K. China's economic and security engagement in Central Asia: the case of Tajikistan. Alatau Academic Studies, 2022. 390 p.

¹ Путин заявил, что отношения России и Китая не являются конъюнктурными // ТАСС: [сайт]: <https://tass.ru/politika/20812497> (дата обращения: 01.12.2024)

16. Perez-Saiz H., Zhang L. Renminbi Usage in Cross-Border Payments: Regional Patterns and the Role of Swaps Lines and Offshore Clearing Banks. International Monetary Fund, 2023. 24 p.
17. Stapleton R. J. Can the United States Influence Cooperation between China and Russia? // *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines*. 2019. Iss. 68. P. 1–6.
18. Shamiev S. Analysing China's Strategic Investments in Tajikistan: A Development-Security Nexus Perspective. Bishkek: OSCE Academy in Bishkek, 2023. 21 p.
19. Stronski P., Ng N. Cooperation and competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 58 p.
20. Weits R. The Russia-China gas deal // *World Affairs*. 2019. Vol. 177. № 3. P. 80–86.
21. Wu Guoding Challenges facing the further internationalization of the RMB. Part 3: Develop the off-shore RMB market and promote the internationalization of the RMB // *World Knowledge*. 2023. № 19. P. 60–62.
22. Xiao Yu, Xia Jiechang. Jointly building the “Belt and Road” and RMB internationalization // *The Banker*. 2023. № 12. P. 44–46.
23. Xu Mingqi. “Belt and Road” co-construction and shared financing and RMB internationalization // *Social Science Abstract*. 2024. № 1. P. 82–84.
24. Yang Cuo, Tan Xiaofen. Bilateral currency swaps boost cross-border trade settlement in RMB // *Economic Theory and Economic Management*. 2023. № 43. P. 43–56.
25. Zhang L. Capital Account Liberalization and China's Financial Integration. Harvard Kennedy School, 2023. 22 p.
26. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions // *Economic Issues*. 2024. № 1. P. 48–56.

REFERENCES

1. Bazhanov E. P. *Kitay: mezhdru otnoy imperiyye i sverkhderzhavami XXI veka* [China: from the Middle Empire to the 21st Century Superpower]. Moscow, Izvestia Publ., 2007. 350 p.
2. Voskresensky A. D. [What is China for Us?]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2020, no. 2, pp. 5–18.
3. Babaev K. V., Sergienko E. E., Wang Jingwei, Li Feng, Sazonov S. L. [Internationalization of the Yuan within the Framework of the Belt and Road Initiative]. In: *ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, Analiz, Praktika* [ETAPE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2024, no. 1, pp. 75–90. DOI: 10.24412/2071-6435-2024-1-75-90
4. Larin V. L. [“Chinese expansion” in the eastern regions of Russia at the beginning of the 21st century through the prism of comparative analysis]. In: *Sravnitel'naya politika* [Comparative politics], 2020, no. 2, pp. 9–27.
5. Borodyna O., Calabrese L., Nadin R. *Risks along the Belt and Road: Chinese investment and infrastructure development in Kyrgyzstan*. Report. London: ODI, 2022. 37 p.
6. Carlson B. G. Room for Maneuver: China and Russia Strengthen Their Relations. In: Prior T. *Strategic Trends 2018: Key Developments in Global Affairs*. Zurich, 2020. P. 29–45.
7. Ellings R. J., Sutter R. *Axis of Authoritarians: Implications of China-Russia Cooperation*. USA, DC Columbia: The National Bureau of Asian Research, 2019. 203 p.
8. Falkowski K. Russia-EU28 and Russia-China trade interdependence vs the competitiveness of the Russian economy. In: *Institute of Economic Research. Working Papers*, 2019, no. 25, pp. 3–16.
9. Gabuev A. *Friends with Benefits? Russian-Chinese Relations After the Ukraine Crisis*. Carnegie: Endowment for International Peace Publ., 2016. 300 p.
10. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions. In: *Economic Issues*, 2024, no. 1, pp. 48–56.
11. H. S. Kohli at al., eds. *China's Belt and Road Initiative. Potential Transformation of Central Asia and the South Caucasus*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC, Melbourne, Sage Publications Pvt. Ltd, 2020. 300 p.
12. Stekić N., Mitić A., eds. *Dialogues on China*. Belgrade, 2023. 432 p.
13. Hu Xiaolian. Promote RMB internationalization in a prudent and solid manner. In: *China Finance*, 2023, no. 23, pp. 17–18.

14. Gentle P. An Introduction to a Way of Increasing Chinese International Influence: The Implementation of the Belt and Road Initiative (BRI). In: *Financial Markets, Institutions and Risks*, 2024, no. 8, pp. 63–80.
15. Koncak I., Almazbeko K. *China's economic and security engagement in Central Asia: the case of Tajikistan*. Alatau Academic Studies, 2022. 390 p.
16. Perez-Saiz H., Zhang L. *Renminbi Usage in Cross-Border Payments: Regional Patterns and the Role of Swaps Lines and Offshore Clearing Banks*. International Monetary Fund, 2023. 24 p.
17. Stapleton R. J. Can the United States Influence Cooperation between China and Russia? In: *Russia-China Relations: Assessing Common Ground and Strategic Fault Lines*, 2019, iss. 68, pp. 1–6.
18. Shamiev S. *Analysing China's Strategic Investments in Tajikistan: A Development-Security Nexus Perspective*. Bishkek, OSCE Academy in Bishkek, 2023. 21 p.
19. Stronski P., Ng N. *Cooperation and competition Russia and China in Central Asia, the Russian Far East, and the Arctic*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. 58 p.
20. Weits R. The Russia-China gas deal. In: *World Affairs*, 2019, vol. 177, no. 3, pp. 80–86.
21. Wu Guoding Challenges facing the further internationalization of the RMB. Part 3: Develop the offshore RMB market and promote the internationalization of the RMB. In: *World Knowledge*, 2023, no. 19, pp. 60–62.
22. Xiao Yu, Xia Jiechang. Jointly building the “Belt and Road” and RMB internationalization. In: *The Banker*, 2023, no. 12, pp. 44–46.
23. Xu Mingqi. “Belt and Road” co-construction and shared financing and RMB internationalization. In: *Social Science Abstract*, 2024, no. 1, pp. 82–84.
24. Yang Cuo, Tan Xiaofen. Bilateral currency swaps boost cross-border trade settlement in RMB. In: *Economic Theory and Economic Management*, 2023, no. 43, pp. 43–56.
25. Zhang L. *Capital Account Liberalization and China's Financial Integration*. Harvard Kennedy School, 2023. 22 p.
26. ZhongXuesi, Jiang Kaiwen, Feng Chenchen, Yang Huaijia. Geopolitical risks and the currency anchor effect of RMB – an empirical analysis based on the “Belt and Road” cooperation countries and regions. In: *Economic Issues*, 2024, no. 1, pp. 48–56.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Узденов Шамиль Шагабанович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой банковского права и финансово-правовых дисциплин Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: uzdenov-ss@anera.ru

Ермаков Дмитрий Николаевич – доктор политических наук, доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения; главный научный сотрудник Центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук; e-mail: dermakow@mail.ru

Забабурин Александр Викторович – аспирант Московского института современного академического образования; e-mail: alexanderZ96@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shamil S. Uzdenov – Cand. Sci. (Law), Departmentally Head, Department of Banking Law and Financial and Legal Disciplines, Institute of Law and National Security of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: shsh.uzdenov@guppros.ru

Dmitry N. Ermakov – Dr. Sci (Political Science), Dr. Sci. (Economy), Cand. Sci. (History), Prof., Department of Constitutional and Civil Law, Law Faculty, Federal State University of Education; Chief Scientific Associate, Centre for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences; e-mail: dermakow@mail.ru

Alexander V. Zababurin – Postgraduate student, Moscow Institute of Modern Academic Education;
e-mail: alexanderZ96@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Узденов Ш. Ш., Ермаков Д. Н., Забабурин А. В. Правовые аспекты эволюции отношений и основные мотивы сближения Российской Федерации и Китайской народной республики // Московский юридический журнал. 2024. № 2. С. 41–51.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51

FOR CITATION

Uzdenov Sh. Sh., Ermakov D. N., Zababurin A. V. Legal aspects of the evolution of relations and the main motives for rapprochement between the Russian Federation and the People's Republic of China. In: *Moscow Juridical Journal*, 2024, no. 2, pp. 41–51.

DOI: 10.18384/2949-513X-2024-2-41-51